

**Академик
И.П. Иванов —
выдающийся педагог
России**

Л.Г. Борисова,
доктор социологических наук

Педагоги считают академика И.П. Иванова изобретателем методики КТД (коллективных творческих дел), создателем педагогики, о которой говорят как о «педагогике сотрудничества», называют её «коллективное творческое воспитание», «орлятская педагогика», «новое воспитание», «воспитание по Иванову», «педагогика социального творчества». Под расхожим названием «коммунарская методика» новаторство И.П. Иванова представлено в Российской педагогической энциклопедии (М.: Научное издание «Большая российская энциклопедия», 1993. С. 457—458).

Кроме того, И.П. Иванова по праву считают инициатором и создателем новой послевоенной волны социально-педагогического движения. В 1956 году в Ленинграде он создал творческую группу педагогов — Союз энтузиастов (СЭН), 1959 — Коммуну юных фрунзенцев (КЮФ) — школу районного актива старшеклассников, в 1963 — Коммуну имени Макаренко (КИМ) — содружество студентов, увлечённых идеями великого педагога. По примеру ленинградцев, коммунарские отряды, подростковые, студенческие и педагогические клубы стали возникать по всей стране. В создании привлекательного для подростков образа жизни и творческого сотрудничества детей и взрослых во всероссийском лагере «Орлёнок» принимал участие «десант» из сорока членов КЮФ, лагерь «Орлёнок» и «Комсомольская правда» (КЮК и «Алый парус») сыграли важную роль в распространении идей и методов И.П. Иванова.

Методика КТД легла в основу не только молодёжного движения. Методика КТД — деятельный, творческий и организационный механизм педагогики, которую автор назвал «педагогикой общей заботы». Её можно назвать «педагогика социального творчества» или рассматривать её как сердцевину: дети и взрослые становятся хозяевами собственной жизни, создают то, на что способны, их дела — это искренняя забота об окружающем мире и развитии всех и каждого, рыцарское служение добру, творческий подъем, демократизм, товарищество, мажор и дух свободы.

Сегодня уже вряд ли можно встретить педучилище или вуз, где не рассказывают или не читают лекций про методику (педагогика, технологию) академика И.П. Иванова. Конечно, для преподавателей «Энциклопедия КТД» — пособие лучше не придумаешь: разговорный язык, логика, методические советы, отличные примеры и многое другое, ценное для лектора. И вот тут-то происходит худшее, что только можно придумать: ретивое чтение лекций, ведение семинаров по этой книжке так усиливают поток словесно-книжной трансляции, что на этом и заканчивается ещё не начавшееся коллективное творчество. Именно передача готового опыта, придуманных кем-то, пусть даже первооткрывателями, творческих дел, их выучивание, копирование, дублирование — всё это противопоставлено коллективному творчеству по существу: именно такие «последователи» очень скоро превратятся в тех, кто скажет: «Да ну их, эти КТД». То, что списано, выучено, прорепетировано по чужому сценарию и представлено на сцене да ещё с наигранным энтузиазмом — это уже не КТД.

Когда вышла в свет книжка «Коллективные творческие дела Коммуны имени Макаренко» (ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1970), ставшая впоследствии предшественником «Энциклопедии КТД», Игорь Петрович с горечью заметил: «Какую вредную книжку мы сделали» — он испугался массового копирования, бездумного воспроизведения, слепого заимствования. Кстате сказать, книжка о КТД создавалась инициативно и творчески — на основе методики КТД. Её готовил И.П. Иванов вместе со студентами и педагогами, его учениками. Коммуна имени Макаренко (КИМ) действовала с 1963 года как студенческое научное общество в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. Цель КИМа — совместное освоение, разработка и распространение методики коллективной творческой деятельности¹.

¹ Педагогика общей заботы: понятийный аппарат / Под ред. Е.В. Титовой. СПб., 1998. С. 17.

Как часто на творческих семинарах и лагерных сборах, где КТД — гвоздь программы, нам приходилось уговаривать и умолять робких педагогов, скованных и молчаливых: «Садитесь, пожалуйста, в круг, поближе...» — «Нет, нет, — отвечали, — мы посидим в сторонке, тихонечко посмотрим и всё запишем».

Но ни слушать, ни смотреть-то здесь нечего. Здесь не спектакль, не монтаж, не телепередача. И ничего нет «для» — для демонстрации, инспекции, наблюдения. Здесь вообще нет ничего, в чем ты сам не участвуешь. Здесь нельзя ничего понять, оставаясь сторонним наблюдателем. Более того, если кто-то на загородном сборе, празднике, слёте так и не сможет включиться в общий шум, сутолоку, хохот, секретный дозор, разведку, тот ничего не поймёт: беспорядок какой-то. К сожалению, многие из нас привыкли к внешнему, а что ещё хуже — к показному порядку, когда всё без запинки, гладко, наизусть, стройными рядами, красивыми звонкими голосами. А здесь: поют по бумажке, слов не знают, сбились, засмеялись, им кричат: «Ничего, давайте снова!» И они «выдают» сначала, не смущаясь, просто, как дома или в хороводе. А почему? Да потому, что лишь за пять минут до того, как надо выступать, это сочинили.

Не могу удержаться от воспоминания полувековой давности. 1952 год. Игоря Петровича пригласили на сбор пионерской дружины одной из лучших ленинградских школ. Он взял меня с собой. На сцене, как тогда было положено, — «всё без запинки, гладко, наизусть, стройными рядами, красивыми звонкими голосами» и «на высокопартийном уровне» («Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» и всё в таком духе).

У Игоря Петровича всегда были в кармане карточки для библиотечных каталогов, он любил на них что-то записывать. Потом вместо карточек у него появились клеённые маленькие тетрадошки-блокнотики. И вот в разгар этого звонкого торжества он протягивает мне карточку, а на ней его

красивым почерком (аккуратными круглыми буквами) карандашом написано: «Если так работать, то лучше сразу повеситься». Я как будто бы перестала слышать грохот барабанов. Мне показалось, что я почувствовала ту тоску и страдание, что и он. Тогда я много чего не понимала, мне и в голову не приходило, что можно и нужно жить иначе, а уж в лучших-то школах пионерская работа поставлена как надо. До того времени, как мы узнали о документах XX съезда партии и развенчании культа личности Сталина, была ещё целая пятилетка.

Игорь Петрович искренне верил в светлое будущее, он был его строителем. Мне казалось, что я тоже вносила свой вклад. Он не принадлежал к числу «критикующих», не стал «ниспровергателем» даже тогда, когда это стало можно, а то и модно. С Игорем Петровичем мы почти не говорили о плохом, записочка была редким откровением. До сих пор эта реликвия хранится у меня. Он был созидателем. Некогда было обсуждать негодное. Он все свои силы и время отдавал пригодному — творил другую педагогику, хотел свободной творческой жизни, думал и находил новые способы самоорганизации детей и взрослых. Авторитаризм был ему поперёк.

Спустя десять лет, когда я оказалась в новосибирском Академгородке, в кругу философов, экономистов, социологов и математиков, я многое поняла. «Кухонные дебаты» меня убедили: пионерская организация выполняла роль «фасада» (или лучше сказать, «витрины» социализма). Главным в ней были не дети, а как всё это выглядело со стороны. Существование пионеров демонстрировало что-то очень важное для партийной власти — может быть, неплохо провозглашенное, но не достигнутое. Авторитарность и дети — две вещи несовместные.

Говоря об отношении И.П. Иванова к авторитарной педагогике, воспользуюсь случаем выразить глубокую признательность ученице Игоря Петровича Елене Титовой (теперь она доктор педагогических наук,

профессор) за инициативу создания словаря «Педагогика общей заботы: понятийный аппарат». Есть такой жанр в научной работе — авторские словари: из произведений учёного выбирают (чаще всего это делают ученики и последователи) ключевые понятия, их авторские определения и выстраивают в алфавитном порядке. Это очень ценная работа.

Приведу словарную статью «Авторитарные отношения (авторитаризм)». Её содержание восстановлено по конспекту лекции И.П. Иванова: «Авторитаризм — прямое выражение педагогической власти, педагогического диктаторства. Тип воспитательных отношений, в которых воспитатели открыто передают воспитанникам готовый, общественно необходимый опыт и организуют для усвоения этого опыта — прямо или через других воспитанников — пассивную (пассивно-подражательную) деятельность воспитанников). А воспитанники усваивают передаваемый опыт в пассивной деятельности, т. е., возможно, более точно воспроизводят передаваемый опыт.

В этих (авторитарных) отношениях воспитатели занимают объективную позицию, т. е. действуют в качестве пассивных передатчиков накопленного ранее (готового) общественно необходимого опыта. А воспитанники занимают объективную позицию, т. е. действуют в качестве пассивных потребителей готового опыта, пассивных исполнителей воли воспитателя и в практической, и даже в организаторской деятельности.

Источником живучести воспитательного авторитаризма в его явных и маскируемых формах является в наших условиях психология «естественного» превосходства взрослых над детьми. Обладание большим жизненным опытом (не только личностным и общественно значимым, необходимым) и отсутствие, сравнительная бедность такого опыта у детей вызывают своеобразную, имеющую вековые традиции психологическую иллюзию необходимости послушного (безусловного)

заимствования младшими готового опыта старших» (Иванов И.П. Лекции по педагогике. Рукопись).

Игорь Петрович с присущей ему деликатностью касается сугубо-педагогических (а не политических, идеологических) причин авторитаризма. Перед ним девочки-второкурсницы, он говорит с ними как педагог на этически-состоятельном языке. Язык высокой политики, острой социальной критики, резких обвинений и ниспровержений «верхов» — всё это появилось в педагогике позже, в конце 80-х. Игорь Петрович тогда болел, в «образователь-

ной революции» не участвовал. Он свою «педагогику будущего» выстроил в «своём настоящем» — в 50—60-х годах XX века. Этот гражданский и научный подвиг русского педагога-новатора И.П. Иванова чем дальше, тем больше ценят люди. Время социального гуманизма, человеческой доброты и общей заботы, надеюсь, настанет. И это время приближают педагоги-демократы, творцы, гуманисты, для кого методика КТД и педагогика общей заботы стали не только социально-профессиональной основой деятельности, но личностно значимой ценностью.